



ОДИССЕЯ АТТИКУСА: ПЕРЕРОЖДЕНИЕ НА АРЕНЕ

Одиссея Аттикуса: Перерождение на Арене

Realm Weaver

**Одиссея Аттикуса:
Перерождение на Арене. Книга 3**

«China Literature»

RealmWeaver

Одиссея Аттикуса: Перерождение на Арене. Книга 3 /
RealmWeaver — «China Literature», — (Одиссея Аттикуса:
Перерождение на Арене)

Жизнь Аттикуса рухнула в один день: его предала девушка, а затем застрелил таинственный мужчина. Но вместо одинокой пустоты тьмы он очнулся в другом мире, переродившись наследником одной из самых могущественных семей человеческого домена, в мире, опустошённом войной и находящемся на грани поражения в войне с жестокой инопланетной расой. Теперь, ведомый неукротимой яростью и жаждой мести, Аттикус не остановится ни перед чем, чтобы стать сильнее, выяснить, кто его убил, и выжить в мире, раздираемом войной.

Содержание

Глава 101. 1 месяц	5
Глава 102. Сведение всего воедино	7
Глава 103. Последнее испытание	10
Глава 104. Красная аура	12
Глава 105. Аура воли	14
Глава 106. Мерцанием открылось	18
Глава 107. Пробуждение	21
Глава 108. Суд	23
Глава 109. Неверие	25
Глава 110. Я проиграл?	28
Глава 111. Эгоистичный	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Одиссея Аттикуса: Перерождение на Арене

Глава 101. 1 месяц

Три круглых снаряда на сверхзвуковой скорости рассекли воздух, устремившись к бело-волосому юноше, решительно стоявшему в своём белоснежном кимоно.

Его рука небрежно лежала на рукояти катаны, и весь его вид излучал непоколебимую уверенность, словно противостояние трём летящим снарядам было для него обычным делом.

В считанные мгновения снаряды приблизились, сократив расстояние до каких-то пяти метров. В тот же миг в воздухе возник завораживающий танец серебряных росчерков — захватывающая дух демонстрация непостижимого мастерства.

Воздух наполнился мерцающими линиями серебристого света, каждая из которых с безупречной точностью рассекала летящие снаряды. Те взрывались на бесчисленные фрагменты, разлетаясь во все стороны, словно юноша силой воли заставил их рассыпаться на части.

Выражение его лица ничуть не изменилось, оставаясь спокойным, как гладь воды.

Без промедления последовала новая порция снарядов, на этот раз из четырёх штук. Неземной танец его катаны превратился в симфонию разрушения, и каждый приближающийся снаряд постигала та же участь.

Его изящные удары рассекали воздух, без усилий разрубая их на мириады фрагментов. И всё же он оставался невозмутимым, воплощением безмятежности посреди хаоса.

Затем появилось ещё пять снарядов, и прежде чем его меч успел встретить их на пути, обострённые чувства Аттикуса уловили перемену. Быстрый, как вспышка молнии, он метнулся на десять метров вправо, продемонстрировав внезапный, необъяснимый всплеск проворства.

Тут же из земли, где он стоял мгновение назад, вырвалось яростное извержение раскалённой лавы, тревожащей своей мощью.

Частота выстрелов снарядами продолжала расти: сначала до шести, потом до семи, а вскоре и до десяти, пятнадцати и более. Их атаки становились всё более безжалостными, а промежутки между извержениями лавы сокращались, словно испытывая его на прочность.

Неустршимый юноша двигался с невообразимой скоростью и грацией. Каждое его движение было подобно произведению искусства, а молниеносные взмахи катаны выходили за пределы человеческих возможностей.

С молниеносной скоростью он разрубал каждый приближающийся снаряд, превращая их в фрагменты, и изящно уворачивался от извержений лавы, стремившихся поглотить его.

Прошёл месяц с тех пор, как Аттикус начал тренироваться в сфере катаны, и его прогресс был просто поразительным.

Вначале он едва мог продержаться дольше нескольких секунд, а справиться более чем с пятью снарядами было настоящим испытанием, особенно учитывая хаотичные извержения лавы.

Путь был нелёгким, но Аттикус обладал уникальным преимуществом, которого на этом этапе не было ни у одного из предыдущих владельцев, изучавших второе искусство: его выдающимся интеллектом и восприятием.

С самого начала Аттикус демонстрировал уровни интеллекта и восприятия, намного превосходящие ожидаемые для его ранга.

Большинство людей пробуждали своё восприятие по мере повышения в ранге, это было нормой.

Когда человек повышался в ранге, все его характеристики улучшались, включая такие характеристики, как интеллект и обаяние. А Восприятие пробуждалось естественным образом, когда интеллект человека достигал определённого порога.

Для людей высокого ранга пробуждённое восприятие было обычным делом, и одно только это пробуждение значительно увеличивало их общую силу.

С обострённым восприятием они могли с лёгкостью изучать сложные искусства, без усилий управлять маной и, что самое главное, их боевое мастерство взлетало до небес.

Полное осознание окружения давало им преимущество в битвах, позволяя эффективно выстраивать стратегию.

Большинство людей в человеческом домене пробуждали своё восприятие на Экспертном ранге, что соответствовало средним показателям интеллекта в человеческом домене.

Но Аттикус пробудил своё восприятие, будучи всего лишь на Среднем ранге! Можно было только представить, какой прирост сил получит Аттикус, когда достигнет ранга Гранд-мастера, учитывая, как рано он открыл своё восприятие.

Нынешняя тренировка казалась для восприятия Аттикуса сущим подарком небес. Не будь он в курсе дела, он мог бы подумать, что его привели сюда исключительно для того, чтобы усилить его восприятие.

Один факт оставался неизменным: чем больше он напрягал и использовал своё восприятие, тем сильнее оно, казалось, становилось. И за последний месяц оно заметно выросло.

Раньше он с трудом успевал за быстрыми снарядами или реагировал на внезапные извержения лавы из-под земли.

Но после месяца безжалостных тренировок, постоянно напрягая и используя своё восприятие, теперь он мог с лёгкостью отслеживать их движения и реагировать соответствующим образом.

Пока он продолжал, за ним со стороны наблюдал мужчина с лёгким выражением шока на лице. «Он достиг этого уровня за один месяц?» — подумал Седрик, охваченный недоверием.

Седрик был поражён стремительным прогрессом Аттикуса. Он знал, насколько невероятно сложно овладеть вторым искусством. Этого не должно было быть возможно достичь так быстро и легко.

Даже у него на изучение этого искусства ушло в общей сложности пять месяцев и двадцать дней, и три месяца, чтобы достичь уровня, которого Аттикус добился всего за один.

И это при том, что он был на Продвинутом ранге! Если бы только Седрик знал, что Аттикус уже пробудил своё восприятие, неизвестно, как бы он отреагировал.

«Какое чудовище „он“ выбрал на этот раз?» — мрачно подумал Седрик.

После нескольких часов уклонений и ударов висевшие в воздухе часы показали ноль.

Словно кто-то щёлкнул выключателем, сотня летевших к Аттикусу снарядов резко замерла в воздухе и с оглушительным стуком рухнула на землю.

Аттикус позволил себе лёгкую улыбку. Он был рад, что сильно продвинулся по сравнению с началом.

Он обернулся и увидел Седрика, который всё ещё смотрел на него с оттенком изумления.

Седрик подошёл к Аттикусу и похвалил его: — Хорошая работа, парень. Ты и вправду развиваешься быстрее, чем я ожидал.

Аттикус кивнул в знак признания похвалы, но это его не особо тронуло. Он не забывал о том, что ждёт его за пределами этой тренировки. — Что дальше? — спросил он.

— Ты изучил первую часть искусства: его движения. Теперь я научу тебя, как управлять своей маной.

Глава 102. Сведение всего воедино

Аттикус сидел, скрестив ноги, с катаной в руках. Закрыв глаза, он очистил свой разум от любых мыслей, сохраняя абсолютную сосредоточенность.

Увидев, что Аттикус готов, Седрик начал говорить: «Первый шаг прост: направь свою ману в катану».

Первый шаг и впрямь был несложным. С ним справился бы даже новичок, не говоря уже об Аттикусе, который обладал превосходным контролем маны.

Стоило ему сосредоточиться, как катану в его правой руке внезапно окутало синее свечение.

Седрик продолжил: «Теперь следующий шаг немного сложнее. Ты должен синхронизировать поток маны в своём теле с потоком в катане», — проинструктировал он.

Следующий шаг был несколько сложнее, чем простое направление маны в катану. Направление маны в предмет подразумевало активное наполнение катаны своей маной. По сути, это было просто вливание своей маны в оружие.

Синхронизация же своей маны с предметом, в свою очередь, означала гармонизацию собственной маны — маны в теле — с маной в катане.

Вы не вталкиваете свою ману в катану силой, а скорее настраиваетесь на ману в ней, чтобы оба потока были на одной волне.

Синхронизация не потребовалась бы, будь этот предмет обычным оружием. Однако из-за собственной маны, которой обладает каждое магическое оружие, мана, которую вы направляете в него, имеет иную сигнатуру, чем та, что в вашем теле.

По сути, синхронизация означала, что мана в вашем теле и мана в катане должны были иметь одинаковую сигнатуру.

И снова этот процесс оказался для Аттикуса сущим пустяком, ведь он уже научился имитировать различные сигнатуры маны, когда изучал искусство Эфирного Плаща.

Аттикус сосредоточился на сигнатуре маны в катане, сразу же отметив её отличие от той, что была в его теле. Он искусно манипулировал маной, которую направлял в катану, добиваясь, чтобы мана в ней совпадала с маной в его теле.

Через несколько секунд он успешно их синхронизировал.

Глаза Седрика чуть не вылезли из орбит от скорости, с которой прогрессировал Аттикус. «Всего за несколько секунд? Да что, чёрт возьми, это за парень!» — подумал он про себя.

Затем он внезапно вспомнил, что находится здесь, чтобы учить Аттикуса. Он прокашлялся и продолжил.

«Превосходно! Теперь следующий шаг — высвобождай короткие всплески маны из своего ядра, заставляя её течь, словно река, через твоё тело и концентрируя поток на ногах, руках и остром лезвии катаны».

Аттикус выслушал и высвободил всплеск из своего ядра. Он сосредоточился на нём, сперва направив часть в лезвие катаны.

Однако, когда мана достигла кончиков пальцев, сжимавших рукоять катаны, Аттикус внезапно почувствовал, что потерял контроль, и сигнатура маны в катане вернулась к своему прежнему состоянию, нарушив поток.

«Хм?» — Аттикус задумался о том, что произошло.

Седрик тут же тихо вздохнул с облегчением: «Если бы он и с этим справился с первого раза, я бы сошёл с ума».

Седрик уже собирался объяснить Аттикусу, что произошло, но увидел, как тот высвободил ещё один всплеск из своего ядра, и улыбнулся. «Похоже, он не умеет справляться с неудачами».

Седрик знал, что большинство гениев, особенно те, кто никогда в жизни не сталкивался с неудачами, не умеют справляться с поражением. Аттикус мог бы с лёгкостью попросить у него помощи, но из-за своей гордости он предпочёл просто продолжать попытки.

Едва он об этом подумал, как его рот широко открылся, когда он увидел, что Аттикус с лёгкостью поддерживает синхронизацию даже во время всплеска.

Аттикус понял, что изначально пошло не так. Проблема была в уязвимом месте — там, где его руки касались катаны; когда всплеск достигал этой точки, он нарушал поток, фактически останавливая синхронизацию.

Как только причина была установлена, остальное оказалось просто. Всё, что ему нужно было делать, — это концентрироваться на этой точке каждый раз, когда до неё доходил всплеск, стабилизируя поток, пока тот не пройдёт дальше.

Но это было не так просто, как звучит, поскольку требовались чрезвычайно точный контроль маны и способность молниеносно реагировать, когда всплеск, движущийся на высокой скорости, достигал этой точки. Однако с его новым, улучшенным восприятием эта задача стала детской забавой.

«Да что же это за парень?» — подумал Седрик. Ему казалось, что всё, что он знал о таланте, было переосмыслено Аттикусом. «Такой уровень таланта — это ненормально!»

Снова очистив свои мысли, Седрик продолжил: «Следующий шаг — увеличить количество высвобождаемых всплесков. Ты должен уметь выпускать их быстрой чередой и в то же время поддерживать синхронизацию. Чем быстрее ты их выпускаешь, тем лучше», — объяснил Седрик.

Аттикус начал с одного всплеска каждые две секунды, чтобы привыкнуть к процессу. Повторив это несколько минут, он перешёл к одному всплеску в секунду, к чему тоже привык за полчаса.

Затем он перешёл к двум всплескам в секунду. Это было сложнее, чем предыдущие темпы, и Аттикусу пришлось увеличить интенсивность своего восприятия, чтобы улавливать движения всплесков и регулировать поток.

Через несколько часов, когда Аттикус привык и к этому, Седрик, вновь осознав, что тот превзошёл все его ожидания, быстро жестом велел ему встать.

Седрик встал перед ним и начал говорить: «А теперь последняя часть. Объединение всего воедино. Всё, что тебе теперь нужно, — это согласовывать каждый всплеск маны со своими движениями. Каждое твоё движение или удар катаной должен быть усилен всплеском. Понимаешь?» — спросил Седрик.

Аттикус кивнул, показывая, что понял.

Он закрыл глаза, успокаивая разум, а затем высвободил всплеск из своего магического ядра. Решив начать с движений ногами, он сосредоточил всплеск на них и резко метнулся вперёд в коротком рывке.

Ещё один всплеск из магического ядра — и он рванул вправо. Ещё один — и он стремительно метнулся влево. Он повторял эту последовательность, пока не привык.

Затем он перешёл к концентрации всплесков на руках. Высвободив всплеск, он направил его в руки, что привело к мгновенному появлению в воздухе бесчисленных серебряных росчерков.

Аттикус понял, что, в отличие от ног, всплески в руках он может использовать для широкого спектра движений.

Повторив этот процесс несколько раз, он наконец сосредоточил всплески на лезвии своей катаны. Клинок окутало синее свечение, и Аттикус почувствовал невероятную остроту, заключённую в этом лезвии.

Казалось, ему даже не нужно было физического контакта, чтобы резать — достаточно было просто оказаться рядом.

Теперь, когда всплески были сосредоточены на клинке, Аттикус рассёк катаной воздух, и её острое как бритва лезвие прорезало его, создавая эффект, который распространялся на десять метров от него.

Аттикус не мог не ухмыльнуться, наблюдая за результатами. Он продолжил наносить удары, чтобы привыкнуть, и обнаружил, что, хотя мана физически и не покидала клинок катаны, острота лезвия в сочетании с его скоростью и другими факторами позволяла ударам воздействовать в радиусе десяти метров от места взмаха.

Привыкнув к этим движениям по отдельности, он решил объединить всё воедино. Он метался из стороны в сторону, нанося бесчисленные удары по воздуху. Каждый взмах с бритвенной остротой рассекал пространство.

Седрик наблюдал за всем этим со стороны с улыбкой, уже привыкая к поразительным свершениям Аттикуса.

Однако улыбка медленно сошла с его лица, уступив место грусти. «Тебя ждёт долгий путь, парень», — подумал он.

И вот так прошло ещё два месяца. Аттикус с серьёзным выражением лица стоял в зале перед загадочным противником.

Глава 103. Последнее испытание

В двадцати метрах друг от друга, лицом к лицу, в большом зале стояли две фигуры. Справа стоял седовласый мальчик, одетый в белоснежное японское кимоно, с катаной у левого бедра.

Слева стоял мужчина в иссиня-чёрном японском кимоно.

Кимоно обоих развевались в воздухе, а напряжение в атмосфере было почти осязаемым.

Аттикус стоял перед загадочным мужчиной с абсолютно решительным выражением лица. Последние два месяца тренировок были невероятно сложными.

Второе искусство было значительно сложнее и изощрённее, чем прямолинейное первое. Даже освоив движения искусства и научившись контролировать ману, Аттикусу всё ещё предстояло собрать всё воедино.

Это было нелегко, но после постоянных тренировок ему удалось в определённой степени овладеть вторым искусством.

Теперь он стоял перед Аватаром оружия жизни.

Эта битва была последним испытанием перед возвращением в реальный мир, и чтобы пройти его, он должен был победить Аватара.

Седрик стоял в стороне, наблюдая за ними обоими с пристальным вниманием. Он уже привык к поразительным подвигам этого маленького седовласого монстра.

Аттикус раз за разом бил все известные Седрику рекорды, словно это не стоило ему ничего. Скорость его прогресса превзошла все ожидания Седрика.

То, на изучение чего у большинства людей, включая самого Седрика, уходило почти шесть месяцев, Аттикус освоил вдвое быстрее, причём казалось, что это далось ему без усилий.

Седрик не мог не усмехнуться с самоиронией, наблюдая, как Аттикус закрыл глаза, готовясь к предстоящей битве.

Аттикус глубоко выдохнул, пытаясь полностью очистить разум для этой битвы. Он знал, насколько силен этот мужчина, и хотел быть полностью сосредоточенным и в оптимальной форме для боя.

Через несколько секунд глаза Аттикуса резко открылись, и его правая рука стремительно метнулась к катане.

Как только его рука коснулась рукояти, всё его тело внезапно пронзила дрожь, и по спине пробежал холодок.

Используя быстрый всплеск и сконцентрировавшись на ногах, он с молниеносной скоростью метнулся влево, в последний миг уклонившись от смертоносных лазурных разрезов, которые рассекли воздух там, где он только что стоял.

Аттикус наконец-то смог коснуться своей катаны и остаться в целости и сохранности!

Лёгкая, нечеловеческая и полная одобрения улыбка тронула губы мужчины.

Не мешкая ни секунды, Аттикус нанёс ответный удар. Он выпустил быстрые всплески из своего магического ядра, разогнав свою скорость до невообразимых высот.

В мгновение ока он исчез и вновь появился прямо перед мужчиной.

Выпуская ещё больше всплесков из своего магического ядра и концентрируя их на руках и клинке.

Он обрушил поразительные сто ударов менее чем за секунду. Каждый лазурный росчерк оставлял за собой ауру остроты, способную, казалось, разрезать даже нечто нематериальное.

Однако мужчина оставался неподвижен, а его лицо, как и прежде, выражало безразличие.

Рука мужчины размытым движением метнулась вперёд, и в воздухе возникли ещё сто лазурных разрезов, каждый из которых не уступал по силе ударам Аттикуса.

Удары столкнулись в воздухе, высекая пугающие искры, от которых, казалось, содрогнулся сам воздух.

Мужчина исчез из поля зрения Аттикуса со скоростью, которую тот не мог полностью отследить. Быстро среагировав, Аттикус усилил своё восприятие, и мир, который и до этого казался замедленным, стал двигаться ещё медленнее.

Какофония мира растворилась в небытии, и Аттикус погрузился в состояние абсолютной концентрации.

Внезапно краем глаза он увидел сверкающую лазурную, острую как бритва катану, готовую перерезать ему шею. Острота клинка была настолько немыслимой, что кожа на его шее начала трескаться от одной лишь близости лезвия.

С уже занесённой высоко в воздух катаной, Аттикус выпустил быстрый всплеск, придав себе внезапное ускорение. Его клинок опустился по мощной дуге, встретив приближающийся удар с оглушительным лязгом.

Дзззззззз

Два острейших клинка столкнулись в воздухе, посылая волны страха по самой атмосфере.

В одно мгновение две фигуры превратились в размытые пятна, и воздух затрепал от бесчисленных лазурных разрезов и огненных искр.

Выпуская быстрые всплески один за другим, Аттикус достиг сюрреалистической скорости.

Он отвечал на каждые сто ударов мужчины другими ста ударами, на двести — двумястами.

В зале остались лишь две нечёткие фигуры, чьи развевающиеся кимоно образовывали вихрь движения, пока они в мгновение ока мелькали по всему пространству, оставляя за собой висящие в воздухе искры от столкновения двух острых клинков.

Седрик молча наблюдал за всем этим с неизменным выражением лица. Казалось, будто бой его совсем не волновал. Лишь он один знал, какая буря бушевала в его голове, когда он стал свидетелем того, насколько исключительно Аттикус использовал второе искусство в бою.

Была существенная разница между эффективным использованием искусства на тренировках и в настоящем бою.

Тренировки могли обеспечить контролируемую среду, и при достаточной практике можно было в конечном итоге овладеть искусством. Но эффективное применение его в хаосе настоящего боя было совсем другим делом.

Давление, страх и риски были намного выше, и требовались время и опыт, чтобы отточить свои навыки для таких ситуаций.

Хотя при постоянной практике этого можно было в конце концов достичь, однако время, которое на это уходило, зависело от сложности искусства.

Но, учитывая всё, во что он верил раньше, способность Аттикуса так эффективно использовать второе искусство в бою всего через три месяца обучения была просто умопомрачительной.

Всё его внимание было приковано к одному: к Аттикусу.

«Может быть, он сможет», — с надеждой подумал он.

На его лице сменялись различные выражения, словно он боролся с дилеммой, но в итоге оно стало решительным. Он уже принял решение.

Битва продолжалась: Аттикус и мужчина внезапно появлялись, высекая снопы искр, и снова исчезали в разных концах зала.

Глава 104. Красная аура

За 3 месяца тренировок Аттикус многое узнал о втором искусстве.

Седрик научил его, что при высвобождении всплеска из ядра, он растекается по всему телу во всех направлениях, и для выполнения искусства ему приходилось концентрировать большую часть всплеска в ногах, руках и катане.

Но у этого был недостаток: часть всплеска терялась.

Аттикус также обнаружил, что его скорость зависит от количества всплеска, которое он концентрирует в одном месте.

И тут его осенило: что если высвободить всплеск для каждой части тела? Один всплеск для ног, один для рук, один для катаны. Три всплеска, следующих один за другим. Разве это не увеличит его скорость ещё больше?

Но тут он столкнулся с проблемой: как сделать так, чтобы каждый высвобождаемый всплеск направлялся только в нужное место?

Немного поразмыслив, Аттикус создал нечто такое, от чего у Седрика, узнай он об этом, мог бы случиться сердечный приступ.

Аттикус создал пути, соединяющие его ядро с остальным телом. Эти пути, в зависимости от части тела, куда он хотел направить всплеск, представляли собой разные трубоподобные каналы, которые сдерживали всплеск и мгновенно направляли его в нужное место.

Проще говоря, он создал трубопровод.

Но, как и всё на свете, это не было идеально. Он использовал свою ману для создания путей, и они не были постоянными. Требовалось непрерывное внимание, чтобы они не разрушились.

Глаза Седрика могли бы вылезти из орбит, если бы он узнал, что сделал Аттикус.

Дело было не в том, что это было революционно или ново; совсем наоборот, то, что сделал Аттикус, ему всё равно пришлось бы сделать в будущем, достигнув определённого уровня силы.

Что поразило бы его, так это тот факт, что единственный способ, которым Аттикус мог поддерживать необходимую концентрацию, чтобы не дать путям разрушиться во время боя, — это если бы он уже пробудил своё восприятие.

Десятилетний мальчик на уровне Средний+, который уже пробудил своё восприятие? От такой нелепости он бы просто прыгнул в колодец.

Аттикус немедленно начал создавать свои пути прямо во время боя, продолжая парировать каждый удар загадочного человека. Через минуту он закончил их создание.

Они выглядели как две синие трубы, расположенные над и под его магическим ядром. Та, что была сверху, шла от ядра вверх и разделялась на две: одна вела к правой руке, другая — к левой.

Та, что была снизу, шла от ядра вниз и также разделялась на две, ведя к правой и левой ноге.

В зависимости от того, где Аттикус хотел использовать всплеск, соответствующая труба быстро окутывала магическое ядро и возвращалась на своё место после высвобождения всплеска.

Мужчина снова исчез из поля зрения Аттикуса, и тут же он увидел, как катана мужчины обрушивается на него слева по сокрушительной дуге. Он стремительно высвободил три последовательных всплеска, каждый из которых устремился в его ноги, катану и руки, вызвав невероятный прилив скорости, непостижимой для понимания.

На этой поразительной скорости Аттикус взмахнул катаной вверх, перехватив удар с ослепительной быстротой.

Импульс ещё не успел передаться мечу, как Аттикус выпустил ещё пять всплесков в быстрой последовательности. Два пронесли по его ногам, один — по катане, а оставшиеся два — по рукам.

Сам воздух вокруг Аттикуса, казалось, изменился, словно предчувствуя грядущее.

Почувствовав изменение в атмосфере, мужчина решил взяться за дело всерьёз.

Мир, казалось, замедлился, их кимоно развевались, а катаны были сжаты в обеих руках.

Они встретились взглядами и произнесли одновременно, их голоса сочли серьёзностью:

""Серия Катана, 2-е Искусство: Бесконечный Клинок.""

Их руки напряглись, и в одно мгновение воздух наполнился синими росчерками на непостижимой скорости — тысяча столкновений за каких-то 0,5 секунды.

Обе фигуры стояли в трёх метрах друг от друга, их тела расплывались от невероятной скорости. Их быстрота была настолько сильна, что казалось, будто двадцать разных фигур сражаются одновременно, каждая сторона безжалостно наносила удар за ударом. Никто не желал уступить.

Всё тело Аттикуса болело, постоянное использование всплесков наносило огромный урон его организму. Он знал, что долго так не протянет, но отказывался сдаваться.

Тем временем Седрик был абсолютно безмолвен, словно любой изданный им звук мог нарушить прекрасную сцену, которую он наблюдал.

Пятьсот ударов, отражённых пятьюстами ударами, тысяча — тысячей, полторы тысячи — полутора тысячами, и числа росли с каждой секундой без конца и края.

В огромном зале пространство наполнял лишь звук сталкивающегося металла.

Аттикус был на пределе, каждая фибра его существа была напряжена до крайности. Каждый новый всплеск, казалось, лишь усиливал боль, пронзая его жгучей агонией.

Каждый раз, когда он направлял всплеск маны в ноги для рывка, ему казалось, что его суставы скрежещут друг о друга.

Он постепенно поддавался безжалостным атакам мужчины, на его теле уже появлялись порезы, и его чисто-белое кимоно пропитывалось кровью.

Несмотря на мучительную боль и урон, наносимый его телу, Аттикус отказывался поддаться.

Он знал, что стояло на кону, и ему нужна была сила, много силы. Был лишь один известный ему способ обрести эту силу: довести себя до предела.

Пот лился с его лба, он стиснул зубы в чистой решимости, не желая поддаваться боли. Он отказывался сдаваться!

"А-а-а-а-а-а-а-а-а", — он издал громкий рёв, и его фигуру начала окружать осязательная красная аура. Казалось, эта аура увеличила его силу до невообразимых высот.

Сосредоточившись внутри себя, Аттикус выпустил три всплеска в быстрой последовательности. Красная аура усиливала каждый из них, заставляя их взрываться, словно маленькие бомбы, отчего воздух содрогался.

На скорости, превосходящей его первоначальную, фигура Аттикуса размылась, и он в одно мгновение обрушил 2000 красных рубящих росчерков, которые прорезали воздух в направлении мужчины. Каждый удар заставлял атмосферу дрожать от страха.

Мужчина также стремительно нанёс 2000 ударов в ответ, но, словно камень, встретивший стекло, каждый из его ударов разлетался на куски.

Красные удары продолжили свой путь к его фигуре, беспрепятственно проходя сквозь мужчину, словно даже небеса не могли их остановить.

Губы мужчины, казалось, изогнулись в улыбке, обращённой к Аттикусу, прежде чем его фигура внезапно распалась на фрагменты, и он был разрезан на тысячи частей.

Глава 105. Аура воли

Аттикус лежал на земле, его грудь вздымалась и опадала в такт его изнеможению. Напряжённая битва дала о себе знать, и его тело ломило от боли.

У него промелькнула мимолётная мысль, соблазнительная идея покончить с собой и вернуться уже без боли, воспользовавшись тем, что в этом измерении он не мог умереть.

Несмотря на физическую усталость, он не мог не размышлять о красной ауре, что наделила его силой ранее. Во время боя с аватаром оружия жизни, когда он был доведён до предела, эта энергия внезапно хлынула через него, поднимая его мощь на новую высоту.

И до этого, хоть он и был сосредоточен на спасении Эмбер, он также заметил её присутствие во время своего предыдущего столкновения, когда высвободил всю мощь первого искусства.

‘Красная аура... Это моя воля?’ — мысленно спросил себя Аттикус. Он знал, что при гравировке рун слияние его воли с маной создавало багровый оттенок. Но он сомневался, что ауру породила его собственная воля.

Аттикус знал предел силы своей воли — она была ничтожна. Он не мог постичь, как она вдруг наделила его столь необычайной мощью.

Погружённый в мысли, он размышлял, как он её активировал. Он не призывал ауру сознательно и не знал, как снова подключиться к её силе.

Как раз когда он собирался поэкспериментировать и проверить, сможет ли он её использовать, он заметил приближающегося Седрика, бормочущего что-то себе под нос.

— Он не может быть человеком. Да, да, вот почему, — бормотал Седрик, приближаясь к Аттикусу.

— Я ведь прошёл испытание? — вопрос Аттикуса пронзил задумчивость Седрика, заставив того выйти из оцепенения и ответить.

— Да, прошёл, — подтвердил он, на мгновение потрясённый поразительными способностями Аттикуса. Его мысли лихорадочно метались, пока он пытался сложить кусочки головоломки. — Ты рунный кузнец? — спросил Седрик.

Аттикус быстро ответил: — Да.

Это откровение поразило Седрика, словно ударная волна. — Когда ты начал гравировать руны?

— Около трёх месяцев назад. А что? — поинтересовался Аттикус. Реакция Седрика была крайне озадачивающей.

— Три месяца, и ты уже можешь использовать ауру воли, — пробормотал себе под нос Седрик. Его бормотание сменилось приступом смеха, хотя тот больше походил на мрачную, почти меланхолическую реакцию. — Ха-ха-ха-ха-ха.

Аттикус, нахмутив брови, наблюдал за странным поведением Седрика. Он не мог не задаться вопросом: ‘Что с ним не так?’

Но затем одно из слов, сказанных Седриком, отложилось в сознании Аттикуса. ‘Аура воли? Так вот что это было?’ — подумал он, и его осенило. Красная аура на самом деле была продолжением его воли.

Вопрос, который теперь не давал ему покоя, был: ‘Но как?’ Хоть его воля и стала сильнее за последние несколько месяцев, она всё ещё казалась недостаточной, чтобы наделить его такой силой.

Ему в голову пришла ещё одна странность. ‘И почему я не чувствую себя подавленным после её использования?’ По опыту он знал, что всякий раз, когда он использовал свою волю для гравировки рун, это оставляло его в унынии, но сейчас этого не произошло.

Озадаченный, он решил спросить Седрика, который всё ещё посмеивался и бормотал, словно сумасшедший.

— Что такое аура воли, старший? — спросил Аттикус.

Эти слова внезапно прервали странное поведение Седрика. Он повернулся к Аттикусу с явным недоумением на лице.

— Старший? Я? — Седрик указал на себя, явно опешив от этого обращения.

Он снова начал посмеиваться, а Аттикус, изогнув бровь, смотрел на него, совершенно сбитый с толку его странным поведением.

Посмеявшись несколько секунд, он сказал: — После всего, что ты уже сделал, мне было бы стыдно называть себя твоим старшим.

Седрик пришёл в себя после этого странного приступа смеха и решил дать объяснение на вопрос Аттикуса.

— Как ты прекрасно знаешь, с каждым повышением ранга происходит сопутствующее увеличение различных характеристик, включая интеллект и прочие, — начал Седрик. — Теоретически, любой индивид более высокого ранга с достаточной волей мог бы стать рунным кузнецом.

Он сделал паузу, прежде чем продолжить: — Но не все выбирают этот путь, потому что гравировка рун — это долгий и утомительный процесс. Хуже всего — это ощущение после гравировки рун. Оно мучительно, и не каждый может с ним справиться.

Седрик уточнил: — С теми, кто решает пойти по пути рунного кузнеца, кто упорно использует свою волю, может произойти нечто экстраординарное. Это не полностью зависит от достижения более высоких рангов или обладания исключительно высокой волей. В истории задокументированы случаи, когда люди с относительно скромным интеллектом и волей могли использовать свою волю для усиления не только своих рун, но и собственных тел.

Аттикус, испытывая смесь любопытства и замешательства, нахмурился и спросил: — Так как это работает, и почему не все этим занимаются?

Улыбка Седрика стала шире, когда он ответил на вопрос Аттикуса: — Что ж, в этом-то и вся загадка. Мы не до конца понимаем, как это происходит или почему это случается с определёнными людьми. Но обычно это происходит, когда человек находит что-то очень для него дорогое, то, от чего он не откажется ни за что на свете.

Аттикус, вслушиваясь в объяснения Седрика, задумчиво кивнул. Услышав это, он пришёл к важному выводу: ему нужно как можно скорее научиться использовать эту силу.

Аттикус повернулся к Седрику и спросил: — Ты сказал, я могу оставаться здесь шесть месяцев, верно? И время снаружи почти не изменится?

Седрик улыбнулся и согласно кивнул, понимая, к чему клонит Аттикус.

— Хорошо. Похоже, оставшееся время я проведу здесь, тренируясь, — решительно заявил Аттикус.

Затем он задал другой вопрос, который не давал ему покоя: — Я давно хотел спросить, но как так получается, что всякий раз, когда я тренируюсь здесь, это влияет на моё настоящее тело? Ведь здесь только моё сознание, верно?

Седрик на мгновение задумался, чтобы дать исчерпывающее объяснение. — Да, это так. Но это можно объяснить уникальной природой измерения оружия жизни и связью между твоим сознанием и физическим телом.

Седрик посмотрел на Аттикуса и продолжил: — Измерение оружия жизни — это не просто ментальная конструкция; это альтернативное измерение, тесно связанное с реальным миром. Связь между ними не является чисто односторонней. Существует тонкая, двунаправленная связь между твоим сознанием в измерении оружия жизни и твоим физическим телом в реальном мире.

— В этих взаимосвязанных отношениях твоё сознание в сфере катаны может влиять на твоё физическое тело через психосоматические эффекты. Когда ты тренируешься и набираешься опыта в этой сфере, твоё тело в реальном мире реагирует благодаря тесной связи между ними.

— Ясно. Я понимаю, — задумчиво сказал Аттикус. Он внимательно слушал объяснение Седрика.

— Когда я смогу вернуться в следующий раз? — поинтересовался он. Перспектива провести шесть месяцев, тренируясь в измерении оружия жизни, в то время как в реальном мире пройдут лишь секунды, была невероятно заманчивой. Он надеялся посещать это измерение чаще.

Седрик понял желание Аттикуса и с ноткой сожаления ответил: — Прости, парень, ты можешь попасть сюда, только если оружие решит, что ты готов изучить следующее искусство. — Ему пришлось развеять надежды Аттикуса на частые посещения этого измерения.

Аттикус принял это ограничение, небрежно пожав плечами. Если это невозможно, значит, невозможно.

— Что ты мне посоветуешь, чтобы я смог использовать свою ауру воли? — спросил он. Аттикус не был слишком горд, чтобы просить о помощи, когда она ему была нужна. Он понимал, что Седрик обладает обширными знаниями во многих областях, и было мудрее попросить совета, особенно в том, в чём он не разбирался, чем пытаться разобраться в одиночку.

Седрик ободряюще улыбнулся и ответил: — Ты уже сделал самое трудное — пробудил свою ауру воли. Дальнейшие шаги должны быть проще. Загляни вглубь себя и определи, от чего бы ты никогда не отступился, несмотря ни на что. Постарайся вспомнить, что ты чувствовал, когда впервые призвал ауру воли.

Аттикус с благодарностью кивнул и направился к белому зданию в центре зала, чтобы начать свою тренировку.

Следующие три месяца он усердно поглощал ману, практиковал второе искусство и другие свои искусства, и тренировался без усталости, пока едва мог пошевелить пальцем.

После этого напряжённого периода он стоял посреди комнаты, с решительным выражением лица разглядывая свои характеристики.

=====

Профиль персонажа:

Имя: Аттикус Равенштейн

Возраст: 10

Пол: Мужской

Раса: Человек

Атрибуты:

Сила: 89

Ловкость: 97

Выносливость: 98

Живучесть: 99

Интеллект: 28

Восприятие: 15

Обаяние: 21

Воля: 10

Уровень: Продвинутый- Новый!

Талант: Мифический

Родословная: Первородная Стихийная Родословная

Уровень 2

Огонь: 17.1%

Воздух: 16.5%

Вода: 14.3%

Земля: 16%

Способности:

Врожденные Навыки:

Сокрытие [Потенциал: Мифический]

Способность скрывать свой уровень от кого угодно, независимо от ранга. Вы можете выбрать, какой уровень отображать.

Текущее мастерство: Мифический

Навыки Жизненного Оружия:

Трансцендентный Разрез: Благодать Божественной Скорости

Бесконечный Удар

Обычные Навыки:

Тайный Барьер [Потенциал: Трансцендентный]

Текущее Мастерство: Продвинутый-

Стихийное Подражание [Потенциал: Трансцендентный]

-Текущее мастерство: Новичок+

*Эфирные Часы [Потенциал: Усиленный]

-Текущее мастерство: Новичок

=====

Глава 106. Мерцанием открылось

Аттикус стоял посреди безупречно белой комнаты, лицом к Седрику.

Седрик оглядел его и с улыбкой сказал: — Похоже, ты готов.

В ответ Аттикус одарил его решительным взглядом. Седрик разглядел решимость во взгляде Аттикуса, и его улыбка стала шире. Он не мог не испытать чувство гордости за то, как далеко продвинулся Аттикус.

Однако Седрик знал, что должен вернуть его к реальности. — Неважно, насколько сильным ты стал, — начал он, — судя по тому, что ты мне рассказал, те люди снаружи — Экспертного ранга, на целый ранг выше тебя. Такую разницу нелегко преодолеть, даже со вторым искусством.

Аттикус не мог не согласиться с Седриком. Он знал, что столкновение с тремя личностями Ранга Эксперта — невероятно сложная задача. Но он должен был попытаться, хотя бы продержаться до прибытия помощи.

Седрик на мгновение задумался. Он знал, почему Катана привела Аттикуса сюда, хоть и понимала, что одного лишь второго искусства может не хватить, чтобы справиться с ситуацией.

Каждый раз, когда владелец оружия жизни погибал, его душа заключалась внутри оружия. Это было одновременно и наказанием за неудачу, и способом обучить следующего владельца. Пленённые души могли обрести свободу, только если новый владелец совершит то, что не удалось им.

У Седрика было решение, хотя оно и требовало значительной жертвы. Но он уже всё решил.

Глядя на Аттикуса, он заверил: — Не волнуйся, когда ты окажешься по ту сторону, тебя будет ждать сюрприз.

Аттикус был ошеломлён. — Сюрприз? — начал было он, но сцена начала резко удаляться.

Всё вокруг внезапно потемнело, и невообразимый всплеск силы поднялся внутри него.

— Нет, стой! — прогремел голос Авроры, когда она закричала на женщину, приближавшуюся к Аттикусу, который неподвижно лежал на земле.

— Не смей его трогать! — прокричала она, и её огненная аура усилилась. Аврора сумела подняться и, объятая пламенем, бросилась к женщине, которая повернулась к ней со злобной ухмылкой.

Женщина без труда поймала руку Авроры и нанесла удар ей в живот. Аврора ахнула, задышавшись — из неё выбили дух.

В тот момент, когда женщина собиралась нанести ещё один удар, она резко дёрнула головой вправо, и ледяной шип пронзил то место, где мгновение назад была её голова.

В мгновение ока женщина исчезла со своего места и вновь появилась перед Эмбер. Она нанесла удар ногой сбоку, отправив Эмбер кубарем в полёт, и та врезалась в дерево.

— Ха-ха-ха, как это захватывающе! Давайте, давайте, давайте! Ха-ха-ха! — ликующе закричала женщина, касаясь своего лица с жутким восторгом.

Высоко в воздухе парили двое оставшихся мужчин. Тот, что со злобной аурой, Ворлок, заговорил с леденящей улыбкой, его голос звучал нечеловечески. — Ке-ке-ке, у Малоры опять припадок, — проскрежетал он.

Орден Обсидиана всегда привлекал самых злобных и невменяемых членов общества. Только поистине безумные могли поклоняться инопланетной расе, которая явно стремилась поработить их планету, и большинство членов ордена отражало это безумие.

Мужчина, парящий рядом со своим хихикающим спутником, сохранял серьёзное выражение лица.

— О, успокойся, Астрион, она просто развлекается, ке-ке-ке, — шутливо сказал Ворлок.

Холодные глаза Астриона обратились к его спутнику. Когда их взгляды встретились, по спине Ворлока пробежал озноб, и ему показалось, будто за ним наблюдает хищник. На его лбу выступили капельки пота.

Астрион быстро отвёл взгляд, словно тот был ничтожным муравьём.

Сделав глубокий вдох, Ворлок тяжело выдохнул. Несмотря на то, что он, как и Астрион, был Ранга Эксперта, он знал, что и в подмётки ему не годится.

В Ордене Обсидиана сила и талант были всем. Хотя они вербовали почти любого, кто желал присоединиться, продвижение в ордене зависело от силы и потенциала.

Астрион обладал одной из редчайших родословных в человеческом домене — космической родословной. Он был бесценен для ордена и сразу после вступления был взят в ученики к Алвису.

Он хорошо знал характер Астриона. Поскольку Малора была занята боем с остальными, любой из них мог бы пойти за Атикиусом.

Однако Астрион был горд — невероятно горд. Он презирал саму мысль об убийстве десятилетнего мальчишки, не потому что считал это аморальным, а просто потому, что считал такую задачу ниже своего достоинства.

Ворлок тихонько откашлялся и снова обратил свой взор на битву внизу. «Пусть Малора сама с этим разбирается», — подумал он.

К этому моменту все остальные стажёры присоединились к битве. Все они знали, что спасения нет, особенно под двумя угрожающими взглядами парящих сверху мужчин.

Для Равенштейнов отвага и стойкость были в крови. Они скорее погибли бы в бою, чем умерли как трусы.

Но не все разделяли это чувство.

Некоторые остались позади, съёжившись и корчась от страха. Среди этой группы можно было заметить Гелодора, спрятавшегося за деревом. Он согнулся, обхватив голову руками, и дрожал, бормоча что-то неразборчивое.

Хелла и Орион, напротив, двигались с поразительной скоростью, используя силу воздуха и стихийную мимикрию для увеличения своей быстроты. Оба, вооружённые мечами, одновременно атаковали Малору с разных сторон.

Однако Малора с минимальными усилиями грациозно уклонилась от их атак. Она сделала шаг в сторону и со зловещей ухмылкой наблюдала, как оба меча рассекали воздух слева и справа от неё.

Инерция унесла их вперёд, но не успели они далеко уйти, как Малора быстро схватила их за лица. Резко развернувшись, она жестоко впечатала их в землю.

Другие стажёры тоже высвободили свои силы, наполнив воздух россыпью ослепительных красок. Софи, Ария и другие лучники заняли позиции позади, выпуская стрелы с головокружительной скоростью.

Тем временем Нейт и другие стажёры с разнообразными способностями начали свои атаки. Но ухмылка Малоры становилась всё шире, пока она без усилий лавировала между их ударами, а её скорость не поддавалась отслеживанию.

В одно мгновение каждый из стажёров получил жестокий удар в лицо. Лица некоторых превратились в кровавое месиво, в то время как более выносливые балансировали на грани сознания.

Малора упивалась своей яростью, с садистским восторгом причиняя стажёрам мучения. В одно мгновение она вывела из строя их всех, оставив лежать на земле.

— Ах-х, как освежает, — промурлыкала Малора, наслаждаясь остротой ощущений от своих действий.

Как только она задумалась о том, чтобы продлить мучения тех, кто ещё оставался в сознании, она внезапно почувствовала на себе ледяной взгляд.

Она подняла голову, и её взгляд встретился с леденящим взглядом Астриона.

— Чёрт, — пробормотала она себе под нос и направилась к Аттикусу.

«Они всё это время парили там наверху, почему не могли просто сделать это сами?» — с досадой подумала она.

Когда она двинулась вперёд, на её пути встала девушка с отстранённым выражением лица и копьём, а за ней — другая девушка с кроваво-красными глазами.

— Я не позволю тебе причинить ему боль, — сказала Аврора. Её голос звучал слабо, ноги под ней дрожали, а из уголка рта сочилась кровь.

С тех пор как Аттикус помог ей, они очень сблизились. Он был её первым другом, и она этим очень дорожила.

Пробыв так долго в одиночестве, она ни за что не позволит никому отнять это у неё!

Она собрала все свои силы, её пламя вспыхнуло, и она приняла позу, которая, казалось, кричала: «Ты не пройдёшь!»

Эмбер стояла рядом с ней, опираясь на своё копье. Она пострадала сильнее Авроры, и, учитывая, что она и до этого была ранена, она едва держалась на ногах.

Её тело было покрыто инеем, и вокруг неё образовался холодный туман, пока она смотрела на Малору с ещё более холодным выражением лица.

Эмбер злилась. Она злилась на собственную слабость. Будь она сильнее, посмели бы они всё это сделать? Посмели бы они встать у неё на пути?

Эти ублюдки отняли у неё отца, а теперь они хотят забрать ещё одного члена её семьи? Чёрта с два она это позволит!

Она собрала остатки сил и приняла стойку с копьём, и холодный туман, казалось, стал ещё холоднее.

Улыбка Малоры стала ещё шире, растянув её губы до неестественно гротескного состояния и обнажив зубы в зловещем оскале, от которого любого, кто его видел, пробирала дрожь.

— Ах-х-х, — простонала она в экстазе. Вот оно. Вот то, что она обожала видеть. Решимость не сдаваться и выражения их лиц, когда она отнимала у них эту решимость!

Не успели Эмбер и Аврора среагировать, как она исчезла, и они тут же почувствовали, как мощная сила схватила их за лица и впечатала в дерево, заставив закашляться кровью.

Малора повторяла это действие, снова и снова ударяя их о дерево. Каждый удар ломал кости в их телах, заставляя их издавать пронзительные крики агонии.

Посреди леса пронзительные крики Эмбер и Авроры разрывали ночную тишь, заглушаемые безумным, сумасшедшим смехом Малоры.

В разгар этого безжалостного натиска никто не заметил лица седовласого мальчика в небольшой воронке, когда его пронзительные голубые глаза распахнулись.

Глава 107. Пробуждение

В самом сердце густого леса по воздуху разносились глухие, повторяющиеся удары, и эхо каждого из них несло злое обещание.

Среди листвы стояла женщина, её лицо исказила пугающая ухмылка. В каждой руке она держала за головы двух девочек.

Их некогда отличимые черты лица теперь скрывались под завесой невообразимого насилия. Безупречные белоснежные волосы превратились в жуткую алую картину, хрупкие тела были искорёжены до неузнаваемости, а руки безвольно свисали по бокам.

Резко прекратив своё жестокое представление, она вновь подняла девочек, и её голос, пропитанный безумием, обратился к ним: «Ха-ха-ха, каково это, а? Каково это — быть бесполезными? Вы и вправду думали, что сможете встать у меня на пути?!»

Не получив ответа, она продолжила свой садистский монолог. Последним жестоким движением она со всей силы ударила их изувеченные тела об уже истерзанное дерево.

Удар сокрушил остатки ствола, осыпав лес щепками, а по сломанным телам девочек пробежала невообразимая агония.

С дьявольской ухмылкой она добавила: «А теперь смотрите, как я медленно оборву его жизнь, хе-хе-хе». Но как только она собралась отвернуться, Эмбер и Аврора, избитые и окровавленные, зашевелились. Их дрожащие руки медленно потянулись вверх.

— Хм? — удивлённо нахмурившись, пробормотала Малора. Обе девочки схватились за руку, державшую их за головы, и впились в неё напряжёнными взглядами, безмолвно передавая послание: «Не трогай его».

Увидев решимость на их лицах, Малора и сама помрачнела и в панике забормотала: «Нет, нет, нет, нет... Всё должно было быть не так!» В ней вскипело разочарование, и она взбесилась из-за неожиданного поворота событий. «Вы должны чувствовать отчаяние! Умолять меня о пощаде! А не это!»

Аврора, чей голос был едва слышен сквозь терзавшую её тело боль, выдавила издевательскую улыбку и прошептала: «Хе-хе, не трогай его, ты... сука».

Эмбер тоже не осталась в стороне: набрав в рот кровавой слюны, она вызывающе плюнула в Малору.

Хотя у Малоры были силы, чтобы уклониться от атаки и даже испелелить плевок на подлёт, она была настолько ошеломлена происходящим, что не успела среагировать. Кровавая слюна угодила ей прямо в щёку, размазавшись по левой щеке.

Отвратительная слюна, ударившая Малору по щеке, вернула её к реальности. Её лицо исказилось от гнева, и она взревела: «Да как вы смеете!» Она тут же сжала головы Авроры и Эмбер ещё сильнее, пытаясь в ярости раздавить их.

В ответ Аврора и Эмбер издали пронзительные крики, прорезавшие ночную тишину. И как раз в тот миг, когда руки Малоры уже готовы были сомкнуться на их головах, в нескольких метрах от неё из-под земли внезапно вырвался ослепительный всплеск лазурной энергии, озарив весь лес потусторонним, ярким сиянием.

Неземной свет устремился ввысь, словно намереваясь пронзить сами небеса.

Внутри этого ослепительного сияния глаза Аттикуса резко распахнулись. Всё его существо было охвачено пульсирующей, ярко-синей энергией, бурлящей наэлектризованной жизненной силой и источающей ауру чистой мощи.

«Что происходит?» — размышлял Аттикус, и мысли его неслись вскачь. Всего мгновение назад он разговаривал с Седриком, а теперь оказался здесь, ощущая, как мощная энергия пронизывает всё его естество.

«Так вот какой сюрприз?» — подумал он. Он предположил, что это и был тот самый сюрприз, о котором говорил Седрик.

Аттикус чувствовал себя хорошо. Невероятно хорошо. Это было чувство, которое трудно описать; казалось, он может всё, ничто не сравнится с его новообретённой силой, он был непобедим.

Нет, описать это было несложно, он прекрасно всё понимал. Энергия, что текла по его телу, была СИЛОЙ.

Это была сила в её чистейшем виде. Она не усиливала что-то одно в его теле, она усиливала всё. Его тело, его мана, его родословная, его сила, его интеллект и восприятие — каждая грань его существа была многократно усилена!

Все его раны зажили в одно мгновение. Никогда в жизни он не чувствовал себя так хорошо.

Он окинул взглядом окрестности, с предельной точностью видя всё в радиусе трёхсот метров. Его лицо помрачнело, когда он увидел безжизненные тела стажёров, разбросанные по земле.

Его взгляд стал пугающим, когда он увидел, как Малора держит за головы кричащих от боли Эмбер и Аврору. Не теряя ни секунды, Аттикус ринулся вперёд.

Все эти события произошли менее чем за секунду. Скорость мысли Аттикуса в этот момент была непостижима для большинства.

Малора только успела заметить ослепительный синий свет справа, но не успела она и среагировать, как непреодолимая, сокрушающая кости сила врезалась в её голову.

Сила удара была так велика, что её скула тут же провалилась, голова вдавилась, и в долю секунды череп взорвался, словно спелый помидор, по которому ударил неудержимый шар для сноса зданий.

Глаза Астриона и Ворлока тут же сузились до точек. Что, чёрт возьми, только что произошло? Они оба ничего не успели заметить. Лишь увидели, как в небо внезапно взметнулся синий свет, и тут же голова Малоры взорвалась.

Их внимание резко переключилось на источник этого света.

Перед ними предстал юноша, чьи белоснежные волосы величественно ниспадали, а фигура парила в воздухе. От него исходило ослепительное, обжигающее синее сияние, полностью скрывавшее его очертания.

Его светящиеся голубые глаза пылали с невероятной силой, излучая глубокий, почти небесно-голубой оттенок. Катана, гудевшая от неконтролируемой энергии, была надёжно закреплена у него на поясе.

Аттикус поднял взгляд, остановив его на Астрионе и Ворлоке, и его леденящий душу голос произнёс: «Вы — покойники».

Привет ##. Искренне надеюсь, что вам понравилась эта глава. Если да, то, хоть у вас и нет возможности дарить золотые билеты, я был бы очень признателен за камни силы или комментарии. Они мотивируют меня и помогают этой истории достичь большего числа читателей. Спасибо.

Также я был бы признателен, если бы вы присоединились к дискорд-серверу новеллы, ссылка находится в её синопсисе.

Глава 108. Суд

Услышав холодные слова Аттикуса, Астрион и Ворлок отреагировали по-разному, и выражения их лиц тут же изменились.

Изначальное замешательство на лице Ворлока постепенно сменилось жуткой ухмылкой, и он не смог сдержать смешок — с его губ сорвался хриплый звук.

Ему показалось почти абсурдным, что какой-то десятилетний пацан осмелился ему угрожать. — Десятилетний сопляк мне угрожает? — пробормотал он, недоверчиво качая головой. Наглость этого ребёнка просто не укладывалась у него в голове.

Реакция Астриона, с другой стороны, была совершенно иной. Слова Аттикуса отрезвили его, и он тут же нахмурился. Мёртв? Он?

Сколько он себя помнил, он был сиротой, но его это никогда не волновало. Кому нужны родители, когда у тебя есть сила? С самого детства он был известен как гений. Он пробудил чрезвычайно редкую родословную и в рекордные сроки достиг ранга эксперта. Его родословная была настолько сильна, что в том же ранге ему не было равных.

И теперь какой-то щенок, получивший небольшую прибавку к силе, смеет ему угрожать?

Аура Астриона тут же взметнулась, и само пространство, казалось, закручивалось вокруг него, демонстрируя его поразительный контроль над пространственным элементом.

Ворлок, который поначалу пылал самоуверенностью, сглотнул, увидев реакцию Астриона. «Чёрт! Он в ярости!» — подумал он.

Все в филиале Ордена Обсидиана в Секторе 3 знали, что с Астрионом лучше не связываться. Любой, кто злил его в прошлом, не доживал до того, чтобы рассказать об этом. Ворлок невольно незаметно отплыл в сторону, подальше от разъярённого Астриона. Он хотел избежать последствий его гнева!

Тем временем тот, кто и вызвал ярость Астриона, Аттикус, уже отвёл взгляд от этих двоих. Он уже вынес свой приговор и собирался привести его в исполнение.

Он перевёл взгляд на Аврору и Эмбер, парящих в воздухе, которым он манипулировал.

Внезапно, одной лишь мыслью, он окутал их обеих водой. Затем он взглянул на других стажёров, распростёртых на полу, и, вновь пожелав, окутал водой каждого из них. Вода начала исцелять их с видимой скоростью.

Внезапная энергия, наполнившая Аттикуса, вознесла способности его стихийной родословной на невообразимую высоту. Аттикус чувствовал, что теперь может одной лишь мыслью управлять четырьмя элементами без какого-либо контакта в радиусе ста метров. Эта энергия также увеличила мощь его родословной.

Глядя на израненные тела Эмбер и Авроры, Аттикус не мог не задаться вопросом, почему это заняло так много времени. Седрик говорил ему, что на это уйдёт всего несколько секунд. «Так что же случилось?» — размышлял он.

Он очнулся от своих мыслей, когда увидел, что Аврора и Эмбер открывают глаза. Увидев его, они обе тут же улыбнулись. Хоть он и выглядел не так, как обычно, они ни за что бы его не перепутали — это был Аттикус.

Аттикус вздохнул с облегчением, увидев, что с ними всё в порядке. — Всё хорошо, теперь я со всем разберусь, — успокоил он их, и его голос смягчился.

Эмбер и Аврора улыбнулись и кивнули. Раз уж он сказал, что обо всём позаботится, значит, так и будет. Они обе безгранично ему доверяли.

Затем Аттикус силой мысли заставил землю под ними принять форму ложа и уложил их на него.

Гнев Астриона был почти осязаем. Его только что проигнорировали? Какой-то ребёнок?

Пространство вокруг него, казалось, затрещало ещё сильнее, а его аура взметнулась ещё выше.

— Ворлок, убей его, — немедленно приказал он. Несмотря на то, что он кипел от ярости из-за пренебрежения Аттикуса, он всё равно считал ниже своего достоинства нападать на ребёнка.

Ворлок тихо вздохнул, подумав: «И зачем было всё это устраивать, если ты с самого начала не собирался нападать?»

Он опустил взгляд на Аттикуса и сосредоточился. На его посохе тут же вспыхнуло пурпурное сияние; оно закружилось, расширяясь, и он пробормотал: — Шар смерти.

С огромной скоростью шар сорвался с посоха и, рассекая воздух, полетел к Аттикусу, который всё ещё был обращён к Эмбер и Авроре.

Когда пурпурный шар подлетел на расстояние пяти метров, воздух внезапно наполнило несметное число лазурных росчерков. Каждый из них пронзал шар, словно тысяча острейших лезвий, разрезая его на бесчисленные части и гася его пламя.

Выражения лиц Астриона и Ворлока застыли. Этот удар... он был быстр, слишком быстр.

Такую силу не должен был демонстрировать ребёнок. Что произошло? Как он стал таким могущественным?

Аттикус даже не пошевелился; он по-прежнему стоял лицом к Эмбер и Авроре, словно огненный шар только что не угрожал испепелить его.

Ранее, просканировав местность, он увидел, что около десяти процентов стажёров погибли, а некоторые едва дышали. Если бы он проснулся хотя бы на секунду позже, Эмбер и Аврора могли оказаться среди них.

Его сердце невольно сжалось от мысли, как близок он был к тому, чтобы их потерять.

«Разве Седрик не говорил, что пройдёт всего несколько секунд? Что случилось?» — размышлял Аттикус.

Седрик уверял его, что шесть месяцев в мире оружия жизни будут равны лишь нескольким секундам в реальном мире. Но, судя по тому, что произошло, было очевидно, что прошло куда больше времени.

Аттикус отогнал ненужные мысли. «Это неважно».

Аттикус повернулся к этой паре, и его некогда мягкий взгляд сменился леденящим, пронизывающим до костей холодом.

Седрик не был виноват, он и так очень ему помог. Виноваты были те, на кого он сейчас смотрел. Именно они и испытают на себе его гнев.

Аттикус не сказал им ни слова. В этом не было необходимости. Он уже поведал им об их судьбе, и большего они не заслуживали.

Лазурная аура вокруг Аттикуса усилилась, приобретая адский оттенок, а его пронзительные голубые глаза пылали с такой силой, что могли испепелить душу.

Аттикус положил руки на рукоять своей катаны и заговорил. Его слова прозвучали как приговор.

Глава 109. Неверие

В тот миг, когда пальцы Аттикуса коснулись рукояти его катаны, Астрион немедленно ощутил опасность. Это было чувство, которого он никогда прежде в жизни не испытывал — чувство, которое сбивало его с толку до глубины души.

Он сталкивался с многочисленными Экспертами, особенно с теми, кто считал себя гениями в человеческом домене, и даже тогда он никогда не чувствовал ничего подобного.

Но сейчас он испытывал это из-за ребёнка? Астрион тут же отбросил эту абсурдную мысль. Это было невозможно!

В ответ он усилил эманацию своей ауры, расширив границу ранее искажённого пространства с каких-то десяти метров до поразительных тридцати.

Воздух в радиусе тридцати метров вокруг него затрещал от напряжения. Ворлок, уже заметивший усилившуюся ауру Астриона, начал отходить ещё дальше — он не собирался попадать под перекрёстный огонь!

Получив эту силу Бог знает откуда, Аттикус почувствовал, будто для него открылось многое. Это было сюрреалистическое чувство. Словно всё, что он делал раньше, было неправильным. То, как он ходил, было неправильным, даже то, как он дышал.

Когда он собрался применить первое искусство, он сразу почувствовал, что что-то не так. Его движения, стойки, всё — они были не нужны.

Первое искусство было простым: стремительный, безошибочный удар из одной точки в другую. Та схема всплесков была не нужна, стойка была не нужна. Нужны были лишь три больших, быстрых всплеска: один для ноги, один для руки и один для клинка.

За какую-то секунду Аттикус без усилий создал каналы, соединяющие его магическое ядро с телом.

Это разительно отличалось от той минуты, что требовалась ему на это раньше.

Его правая рука замерла на рукояти катаны, и сам воздух вокруг Аттикуса начал меняться.

Он высвободил три колоссальных всплеска в быстрой последовательности, и каждый из них заставил землю под ним дрожать.

А затем, с почти телепатической скоростью, он размылся и двинулся с места. Земля, на которой он стоял мгновение назад, разлетелась вдребезги, оставив после себя внушительный кратер.

Аттикус появился в воздухе перед Астрионом со скоростью, подобной телепортации, пересёкши с невообразимой быстротой пространство, которое должно было на него повлиять, словно его и не было.

Его сверкающая, острая как бритва катана в мгновение ока оказалась у шеи Астриона.

Удивление Астриона было осязаемым. «Что?» — произнёс он в замешательстве, когда клинок Аттикуса опасно застыл у его шеи.

Но ответом ему была тишина — лишь леденящий, холодный взгляд лазурных глаз Аттикуса.

Астрион немедленно ощутил опасность, подобной которой он никогда прежде не чувствовал. Он знал, он знал — если он не сдвинется с места, то умрёт!

Тут же, с небывалой для себя быстротой, он призвал свою пространственную родословную. И прежде чем меч Аттикуса успел рассечь ему шею, он внезапно исчез, появившись вновь далеко от места событий.

Острый как бритва удар Аттикуса рассёк пустой воздух, разогнав облака на несколько километров вперёд.

Астрион появился в двухстах метрах оттуда, на его лице всё ещё было недоверие. «Я... я сбежал?» — недоверчиво пробормотал он.

Но затем его чувства обострились, когда он ощутил, как по шее струится что-то тёплое. Он коснулся её, разглядывая красную жидкость, окрасившую кончики его пальцев, и осознал мрачную реальность.

«Нет, этого не может быть, — пробормотал он, пытаясь отрицать неоспоримое. — Меня ранил ребёнок?» — осознание настигло его, словно придавив всей тяжестью реальности.

— Прилив! — Ворлок, который изначально был в нескольких метрах от Астриона, среагировал и закричал, и его голос пронзил ночную тишину.

Ворлок был потрясён силой, которую продемонстрировал Аттикус. Он даже не видел, как Аттикус двинулся! Его инстинкт самосохранения немедленно сработал, и он понял, что должен атаковать Аттикуса первым, прежде чем тот снова исчезнет.

Тотчас же всё его тело вспыхнуло жутким пурпурным пламенем, чьё зловещее присутствие пропитало всё вокруг.

Пламя тут же поглотило его плащ, обнажив безволосые черты. Его голова была лысой, без бровей и какой-либо растительности на лице.

Одной лишь мыслью пламя взметнулось и собралось за его спиной, принимая зловещую форму и материализуясь в пятнадцатиметровое лицо, искажённое в гримасе со злобной ухмылкой.

Гротескный лик открыл рот, и злобное пурпурное свечение, скопившись, с невероятной скоростью выстрелило в сторону Аттикуса, который продолжал висеть в воздухе.

Аттикус оставался невозмутимым, выражение его лица было всё таким же ледяным. Простым движением левой руки он сконденсировал шар пылающего огня, который затрещал от сдерживаемой мощи.

Маленький огненный шар, казалось, был на грани взрыва, ожидая подходящего момента.

В мгновение ока он взорвался, превратившись в массивную и яростную огненную бурю, затмевающую атаку Ворлока и размером, и мощью.

Огромная волна огня закрыла Ворлоку обзор, озарив весь лес. В воздухе развернулось катастрофическое столкновение, и пламя Аттикуса поглотило и погасило пламя Ворлока, словно безжалостный прилив, поглощающий мерцающую свечу.

Ударная волна от столкновения пронеслась по лесу, создав ослепительное зрелище огненной мощи, которое растянулось на километры.

Пока безжалостная атака продолжала своё стремительное движение к намеченной цели, глаза Ворлока расширились от чистого ужаса. Быстрый как тень, он отскочил прочь от разрушительной атаки.

Пламя Аттикуса продолжило свой путь и обрушилось на лесную подстилку, вызвав эффект, который можно было назвать не иначе как апокалиптическим. Землю сотряс мощнейший взрыв, и ударные волны разошлись по всему лесу.

Зелёные деревья, некогда стоявшие высокие и гордые, превратились не более чем в дымящиеся останки.

К этому времени большинство стажёров уже проснулись. Даже Эмбер и Аврора, затаив дыхание, наблюдали за боем. Лишь одна мысль эхом отдавалась в их головах: «Это действительно Аттикус?»

Привет ##. Искренне надеюсь, вам понравилась эта глава. Если да, то, хоть золотые билеты дать и невозможно, я был бы очень признателен за камни силы или комментарии. Они мотивируют меня, а также помогут этой истории охватить больше читателей. Спасибо.

Также я был бы признателен, если бы вы присоединились к дискорд-серверу новеллы, ссылка находится в её синопсисе.

Сегодня выйдет ещё одна!

Глава 110. Я проиграл?

Как только Астрион пришёл к этому выводу, выражение его лица тут же помрачнело.

«Что ж, я покажу тебе твоё место», — с холодной решимостью пробормотал он, и в нём заклокотал гнев.

Сам воздух вокруг Астриона, казалось, откликнулся на его слова. В одно мгновение его фигура смазалась, исказилась, и он исчез.

Он появился так же стремительно, как и исчез, материализовавшись в двадцати метрах от Аттикуса. В его голосе звучал лёд, когда он произнёс: «Управление Гравитацией».

Воздух в поразительном радиусе ста метров вокруг него начал сгущаться и искажаться, мгновенно становясь плотным и гнетущим. Казалось, будто само понятие гравитации внезапно усилилось в двести раз.

Всё, включая Аттикуса и Ворлока, оказалось во власти непреклонной, безжалостной силы.

Они полетели вниз с головокружительной скоростью, придавленные тяжестью взбунтовавшейся гравитации.

«Он может управлять гравитацией? Это космическая родословная?» — Аттикус спокойно анализировал ситуацию, продолжая падать. Он читал о разных родословных в человеческом домене, так что хорошо знал о возможностях большинства из них.

Немногие обладали способностью управлять гравитацией, и поскольку Астрион телепортировался, когда он едва не снёс ему голову, Аттикус без труда определил его родословную.

«Нужно найти выход», — лихорадочно соображал он. Его движения были скованы настолько, что даже подъём пальца требовал огромных усилий. Он понимал, что в таком состоянии будет трудно даже пошевелиться, не говоря уже о том, чтобы сражаться.

Усиленный интеллект Аттикуса — результат полученного им прироста силы — работал стремительно, менее чем за секунду предлагая множество альтернативных решений.

Одной лишь мыслью Аттикус направил ману в свою воздушную родословную, окутав ею тело — весь процесс занял миллисекунды. Он тут же почувствовал, как его тело стало легче, а через мгновение — и вовсе невесомым.

Он тут же почувствовал, что воздействие гравитации значительно ослабло, но не исчезло полностью.

Гравитация всё ещё могла воздействовать на объекты или тела, не имеющие веса, покуда у них была масса.

И неважно, насколько тело Аттикуса уподоблялось воздуху, ведь гравитация всё равно на него воздействовала.

Он стремительно подчинил себе окружающий воздух и сумел остановить своё падение. Аттикус чувствовал, как трудно стало управлять воздухом из-за возросшей гравитации.

Воздух словно потяжелел, и им стало труднее управлять, но Аттикусу удалось сохранить равновесие, создав под ногами воздушную опору.

Удивление Астриона было неподдельным, когда он увидел, что возросшая гравитация не действует на Аттикуса. Не теряя ни мгновения, он исчез и тут же возник прямо перед ним.

Он занёс руку для удара, и само пространство, казалось, пошло рябью вокруг его кулака. Воздух вокруг него исказился и деформировался, увеличивая скорость удара. Он стремительно ударил.

От невероятной скорости удара возникла ударная волна, и раздался оглушительный, подобный грому, грохот.

Аттикус нахмурился, а его мысль заработала с бешеной скоростью.

Этот удар... его не заблокировать. Он содержал чистый пространственный элемент, само его присутствие уже искажало пространство. Если он попадёт в цель... выжить невозможно.

Стремительно среагировав, Аттикус прекратил подпитку элемента воздуха и перестал им управлять. Гравитация тут же взяла своё, потянув его к земле.

Однако выражение лица Астриона не изменилось, и его кулак продолжил движение к Аттикусу. Тот ледяным голосом пробормотал: «Управление Гравитацией».

Падение Аттикуса тут же резко прекратилось, поскольку гравитация упала почти до нуля.

Губы Астриона сложились в зловещую ухмылку, когда он увидел это, а его кулак всё так же беспрепятственно летел к Аттикусу.

Аттикус воспринимал всё происходящее словно в замедленной съёмке. Он даже не запаниковал, когда Астрион изменил гравитацию.

Его разум работал так быстро, что к тому моменту, когда он только решил прекратить подпитку воздушной родословной, у него уже был готов десяток запасных планов.

Он тут же привёл в действие план «Б», направив ману в огненную родословную. Он вскинул руки и нацелил их на Астриона, высвобождая из ладоней колоссальный, расширяющийся всплеск огня.

Пламя тут же окутало фигуру Астриона, а самого Аттикуса взрывной волной отбросило назад.

Аттикус сделал сальто в воздухе, не сводя глаз с того места, где только что находился. Он увидел совершенно невредимого Астриона: пространство вокруг него искажалось и потрескивало, не подпуская пламя к его телу.

«Искажённое пространство вокруг него — вот проблема», — Аттикус ясно осознавал это.

Во время их первой стычки, когда он чуть не снёс Астриону голову, он заметил, что стоило ему войти в это пространство, как его скорость значительно упала.

Не двигайся он изначально на высокой скорости, то, он был уверен, замедлился бы до черепашьего шага.

Если он не будет осторожен и позволит себе попасть в ловушку хоть на секунду, он был уверен, Астрион не упустит такой возможности и нанесёт один из своих пространственных ударов.

Но уже после той первой стычки Аттикус нашёл способ обойти эту защиту, её слабое место. Решение было простым: **ПОДАВЛЯЮЩАЯ СКОРОСТЬ**.

Аттикус никогда не любил затяжных сражений — это была пустая трата времени. Если только он не тренировался, он предпочитал с самого начала бить в полную силу и заканчивать бой как можно быстрее.

Он тут же высвободил из своего магического ядра поразительные девять быстрых всплесков — в разительном контрасте с его прежним пределом в пять, — направив по три в ноги, руки и клинок.

Астрион заметил, как изменилась аура Аттикуса, словно тот готовился к атаке, и ухмыльнулся. «Неужели этот дурак думает, что сможет прорваться?» — презрительно подумал он.

Плотность искажённого пространства вокруг него была несравнима с той, что была в прошлый раз, когда Аттикусу удалось пробиться.

В прошлый раз он использовал меньше 30% своей силы. Сейчас же пространство вокруг него было насыщено на 80%!

Даже бойцы экспертного ранга, попав в это пространство, замедлились бы до черепашьего шага.

«Стоит ему попасть в это пространство, и я переломаю ему конечности, обездвижив его». Придя к этому выводу, он злорадно ухмыльнулся.

Наконец-то он сможет преподать этому щенку урок!

Зависнув в воздухе, Аттикус принял невообразимую стойку.

Он крепко сжимал рукоять катаны обеими руками, клинок изгибался у него за спиной, колени были подтянуты к груди — фигура Аттикуса, казалось, застыла в воздухе.

А затем, словно само время раскололось на осколки, Аттикус двинулся.

Это был взрыв такой скорости, что его невозможно было отследить. Астриону и другим наблюдателям показалось, что Аттикус и вовсе не двинулся, застыв в прежней позе.

Астрион внезапно испытал сюрреалистическое ощущение: мир вокруг него смазался. Ему показалось, что он падает с неба.

— Что происходит? — произнёс он, и в его голосе слышалось полное недоумение.

Но реальность обрушилась на него, как удар грома: он увидел Аттикуса, парящего рядом со своим обезглавленным телом, и лазурный росчерк на том месте, где должна была быть голова.

Его обезглавили.

Шок Астриона был почти осязаем. «Я... проиграл?»

Его вопрос, полный недоверия, повис в воздухе, пока отрубленная голова падала с небес.

Глава 111. Эгоистичный

Как только Ворлок увидел падающую с неба голову Астриона, его сердце тут же сжалось от полнейшего шока. Словно весь его мир рушился.

Астрион проиграл ребёнку? Он не думал, что такое возможно.

Стоит отметить, что Астрион был известен как гений среди гениев в ранге эксперта. Ворлок мог по пальцам одной руки пересчитать людей в человеческом домене ранга эксперта, способных сразиться с ним лицом к лицу и не проиграть мгновенно.

Космическая родословная Астриона была просто запредельно сильна.

Но мгновенно проиграть ребёнку? Ворлок слегка хлопнул себя по щеке, чтобы проверить, не спит ли он, но пощёчина, казалось, вернула его в реальность и вывела из ступора, словно его мозг только что заработал.

«Какого чёрта я всё ещё здесь?!» — в панике подумал он, внезапно осознав, в каком отчаянном положении оказался.

«Какая разница, что он ребёнок? Важно то, что если он смог так легко убить Астриона, то что станет со мной?!»

Каким бы безумным ни был человек, в каждом всегда живёт инстинкт самосохранения.

Не теряя ни секунды, Ворлок развернулся и начал на высокой скорости удаляться с места происшествия. Его намерение было ясным: он спасал свою жизнь бегством!

Но позволит ли Аттикус такое?

На скорости, которую Ворлок едва мог осознать, бесчисленные лазурные разрезы внезапно расплосовали его тело. Удары были настолько быстрыми, что он даже ничего не почувствовал.

Они пронеслись дальше, разрубая деревья перед Ворлоком.

«Что это было?» — тут же подумал он, увидев разрубленные деревья перед собой, но ответом ему была лишь тишина.

И тут внезапно он услышал голос, от которого по всему его телу пробежал озноб.

— Серия Катана, второе искусство: Бесконечный Удар.

И, словно это послужило сигналом, Ворлок не успел среагировать, как его тело начало распадаться на части: сначала голова, затем туловище, руки, ноги. Ворлок безжизненно рухнул на землю по кускам.

Аттикус хладнокровно вложил катану в ножны.

Он внезапно очень глубоко выдохнул. Хоть сражения и были короткими, они отняли у него много сил. Каждая клеточка его тела была напряжена до предела в попытке сдержать это огромное количество энергии.

Он был уверен, что единственной причиной, по которой он всё ещё чувствовал себя полным жизни, была энергия, всё ещё бурлившая в нём.

Аттикус знал, что одной из главных причин, по которой он смог справиться с этой энергией, был его Мифический талант. Управлять такой силой без исключительно адаптивного тела было равносильно самоубийству.

Талант попросту означал, насколько хорошо человек может адаптироваться к мане по сравнению с остальными, в то время как ранги указывали на уровень маны, к которому тело уже адаптировалось.

И на каждом ранге, независимо от таланта, каждый человек в основном имел одинаковый уровень маны в своём теле.

Хотя эта бурлившая в нём энергия была не просто маной, Аттикус знал, что его талант сыграл большую роль в сдерживании этой силы.

Он инстинктивно знал, что будь этой энергии чуть больше, его тело не смогло бы с ней справиться. Словно источник энергии точно знал, сколько он сможет выдержать.

Его катана, внезапно испустив яркое свечение, привлекла его внимание. И, словно вакуум, который быстро что-то высасывал, Аттикус почувствовал, как сила, бурлившая в нём, иссякает.

Меньше чем через минуту он остался совершенно опустошённым.

Словно из него внезапно вынули «батарейки». Он чувствовал усталость, всё его тело болело, а мана в его ядре была полностью исчерпана.

Он держался на ногах лишь благодаря чистой силе воли. Аттикус невольно уставился на свою катану. «Это был Седрик?» — размышлял он.

Седрик сказал ему ожидать чего-то, прежде чем он покинул Царство Оружия Жизни, так что было логично, что именно он дал ему этот прирост силы.

Но Аттикус не мог не задаться вопросом: такое внезапное обретение силы... оно ведь не могло быть без последствий, верно?

Аттикус хорошо знал о положении Седрика внутри Оружия Жизни. Он, по сути, был узником, и тот факт, что в царстве находилась лишь его душа, делал всё это ещё более загадочным.

Как ему удалось дать такой невероятный прирост силы, и какой ценой?

Взгляд Аттикуса впился в его катану, словно в поисках ответов, но та лишь испустила слабую вибрацию.

Аттикус, связанный с ней, сразу же понял, что она чувствует — она смущалась.

Это открытие заставило Аттикуса усмехнуться, отчего по его телу прошла волна боли. Для столь всемогущего оружия, которое, по сути, поработало души своих владельцев, его реакции были удивительно невинными.

Казалось, эта ситуация немного расслабила Аттикуса, но его настроение тут же полностью изменилось, когда он взглянул на изуродованное тело Ворлока.

Точно, сегодня он убил четверых. Аттикус не мог не сделать глубокий вдох.

Раньше, когда он убил того человека, чтобы спасти Эмбер, Аттикус почувствовал тошноту и отвращение к своим действиям.

Независимо от того, насколько жестоким и безразличным он был к другим, независимо от того, насколько жестоким и безжалостным он мог быть, лишение жизни другого человека было чем-то совершенно иным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.